

А. В. Ганин
(Москва)

Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России*

Публикация представляет подборку документов архивов России, Украины и США о болгарских генштабистах, поступивших на военную службу в России и вовлеченных в события русской революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. Ключевые слова: *Россия, Болгария, Гражданская война, Генеральный штаб, военная элита, репрессии.*

Существовавшая в Российской империи корпорация офицеров Генерального штаба имела сложную этно-социальную природу. Чтобы оказаться внутри этой элитной группы военных деятелей, требовалось успешно окончить Императорскую Николаевскую военную академию и выполнить ряд других условий. В академии обучались не только офицеры русской армии, но также болгары и сербы, с преобладанием болгарского контингента (к осени 1912 г. обучение прошли 123 болгарских офицера¹). Многие из них вернулись на родину, однако некоторая часть обосновалась в России и служила в русской армии.

Революция и Гражданская война затронули и болгарских генштабистов, оказавшихся по разные стороны баррикад.

Ниже впервые публикуются автобиографические свидетельства болгарских генштабистов, участвовавших в Гражданской войне в России как на стороне красных, так и в рядах белых. Эти документы, сохранившиеся в архивах России, Украины и США, проливают свет на непростые судьбы их авторов, болгаро-российские взаимоотношения, менталитет болгарских офицеров на русской службе, положение генштабистов и, конечно, на сами события революции и Гражданской войны.

Автор первого документа Константин Александрович Людсканов-Цанков родился 24 декабря 1886 г. в Софии в семье видного болгарского политика Александра Людсканова (1855–1922) –

лидера прогрессивно-либеральной партии и министра внутренних дел Болгарии (1902–1903, 1911–1913). По материнской линии он приходился внуком болгарскому премьер-министру, русофилу Драгану Цанкову (1828–1911). В 1912–1913 гг. участвовал в Первой Балканской войне², в 1914 г. окончил Николаевскую академию по 1-му разряду.

12 сентября 1915 г. датировано письмо дочери члена Государственного совета А. С. Ермолова (1847–1917) – рязанской помещицы Марии Алексеевны Ермоловой (ставшей супругой Людсканова-Цанкова) генерал-квартирмейстеру штаба Кавказской армии генералу П. А. Томилову по поводу ротмистра Людсканова-Цанкова, в котором были и такие слова: «Придя к нам на службу, Людсканов решил в России и остаться; тогда, только что поступив в ряды армии, он не возбудил вопроса о подданстве, считая правильным просить об этом только после того, как службою засвидетельствует свою преданность России»³. Просительница ходатайствовала о переводе офицера в Генштаб. Результат этого прошения неизвестен.

В годы Первой мировой войны Людсканов-Цанков занимал должности старшего адъютанта штаба Сводной кавалерийской дивизии (с июля 1916 г.) и штаб-офицера для поручений при штабе II кавалерийского корпуса (с мая 1917 г.). К концу 1917 г. дослужился до чина подполковника. Начало Гражданской войны встретил в Красной армии, где занимал должность помощника начальника штаба 1-й Рязанской дивизии по оперативной части, затем помощника начальника штаба 2-й стрелковой дивизии⁴. 16 февраля 1919 г. он был командирован в Астрахань, в распоряжение штаба 11-й армии⁵, но загадочным образом исчез⁶. Поиски пропавшего успехом не увенчались. В одном из документов отмечалось, что военспец «был назначен на Каспийско-Кавказский фронт, куда согласно сообщения штаба Московского военного округа выбыл 23 февраля с.г. (1919. – А. Г.), однако на место своего назначения не прибыл. В виду безрезультатности розысков его местопребывания из списков исключен»⁷.

Объявился Цанков уже на белом Юге, где за службу в Красной армии предстал перед военно-полевым судом, но был оправдан⁸. Людсканов-Цанков был прикомандирован к управлению генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего и переименован в полковника (в связи с упразднением чина подполковника). Дальнейшая его судьба известна из публикуемого рапорта. Он уехал в Болгарию, где поступил на государственную службу и состоял 1-м секретарем болгарского посольства в Сербии (Белград). Умер он в 1937 г.

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

Рапорт Людсканова-Цанкова сохранился в коллекции генерала П. Н. Врангеля в архиве Гуверовского института. В рапорте самовольно оставившего службу у белых и перешедшего летом 1920 г. на службу в МИД Болгарии офицера приводится обоснование причин его ухода со службы. Не последнюю роль играло отсутствие материального обеспечения офицера после ранения. Однако, перейдя на болгарскую службу и оказавшись в Белграде, офицер стал выступать в сербской печати против врангелевской армии. Генерал А. А. фон Лампе в своем дневнике 26–27 мая 1922 г. в связи с этим записал: «Я забыл, что он по своему рождению, как болгарин, должен быть прохвостом...»⁹.

Второй публикуемый документ принадлежит другому болгарскому генштабисту – выпускнику ускоренных курсов Николаевской академии Ивану Дмитриевичу Чинтулову (12 августа 1888 – 28 мая 1931) и представляет собой его автобиографические показания в связи с арестом по делу «Весна».

Чинтулов родился в Варне, в семье болгарского офицера, переехав в Россию, стал личным дворянином. В старой армии дослужился до капитана. Участвовал в Первой мировой войне в рядах 68-й артиллерийской бригады. За храбрость в 1915 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. По окончании младшего класса ускоренных курсов 2-й очереди академии он стал и. д. обер-офицера для поручений при штабе IV Сибирского армейского корпуса.

Чинтулов был одним из лидеров своего класса, права которого пытался отстаивать, состоя в комитете выпуска. Еще 6 сентября 1917 г. в связи с сокращением квоты на поступление в старший класс 2-й очереди он с возмущением писал старосте слушателей А. Л. Симонову, что Ставка «игнорирует во имя никому не известных соображений интересы значительного числа офицеров, посвятивших себя службе Генерального штаба»¹⁰. При большевиках Чинтулов не боялся вступаться за арестованных товарищей и открыто противостоял чекистам, за что подвергался репрессиям.

В годы Гражданской войны Чинтулов оказался в Красной армии. В 1918 г. он занимал должности помощника начальника оперативного отделения штаба Северного участка и Петроградского района завесы¹¹, консультанта оперативного отдела Наркомата по военным делам, внес вклад в становление советской военной контрразведки и вместе со своим товарищем по выпуску Г. И. Теодори боролся за сохранение ее в военном ведомстве.

Затем Чинтулов стал начальником организационного, а с сентября 1919 г. – оперативного отделения штаба Западного фронта.

Наряду с другими однокашниками он был арестован в Смоленске на 20 дней в августе 1919 г., видимо, в связи со сфабрикованным делом Полевого штаба Реввоенсовета Республики (РВСР), но был освобожден и продолжил службу.

Наконец, Чинтулов был отозван в Москву и назначен помощником начальника оперативной части оперативного управления Полевого штаба РВСР. По данным на апрель 1921 г. был помощником начальника оперативного отдела оперативного управления Штаба РККА. Существование на грани выживания толкнуло его на должностное преступление. Военспец был арестован за попытку незаконной продажи спирта и, несмотря на то, что преступление даже не было совершено (Чинтулов все возвратил), приговорен к расстрелу. Однако приговор не был приведен в исполнение, и Чинтулова вскоре освободили. После Гражданской войны он продолжал служить в армии в Средней Азии и на Украине.

В ночь на 26 декабря 1930 г. Чинтулов по постановлению Особого отдела сектора ГПУ УССР был арестован в Харькове по делу «Весна» и помещен в дом предварительного содержания № 1. Чинтулова и ряд других бывших офицеров русской армии обвиняли в принадлежности к контрреволюционной организации, преследовавшей цель свержения Советской власти путем вооруженного восстания¹². Во время ареста генштабист работал военным руководителем в харьковском Институте механизации и электрификации сельского хозяйства и в Институте зерновых культур.

25 января 1931 г. Чинтулов оговорил себя, заявив, что был антисоветски настроен со времен Октябрьской революции, что в Гражданскую войну он и его товарищи по службе в Генштабе надеялись на превращение Красной армии в армию национально-русскую¹³. Последнее заявление удивительно из уст болгарина, однако такие показания требовались следователям.

Чинтулов признавался: «...антисоветские настроения во мне... питались привычками прежнего царского быта, узким окружением, в основном офицерского общества, настроенным недружелюбно к Советской власти... По моему мнению, коллективизация отнимала у крестьян стимул личного благополучия и поведет к упадку сельского хозяйства. Я считал наиболее приемлемой форму ведения индивидуального хозяйства. На мой взгляд, проведение раскулачивания проводилось несправедливо. Продовольственные затруднения я также относил к неправильной политике Соввласти»¹⁴.

2 февраля 1931 г. Чинтулов написал «Чистосердечное раскаяние», в котором есть оговорка: «Вам граждане следователи Рыков и Лукин,

Вашей неутомимой работе надо мной я обязан тому, что пришел к необходимости полного раскаяния»¹⁵. Что это была за работа над арестованным, можно только догадываться. Результат ее выразился в следующих строках «раскаяния»: «В полном сознании тяжести преступления и беспощадной кары, ожидающей меня, я прошу пощады, снисхождения. Я прошу дать мне возможность жить и работать честно на строительство мощного Социалистического Советского Союза.

Конечно я контрреволюционер, конечно, и по духу и на деле. Размах моих действий м[ожет] б[ыть] и не велик, судите сами, но для крупных действий не было и обстановки и надобности. Все в стадии подготовки, все в ожидании более решительных моментов. И я в этом отношении не один так был скромн и опаслив. Вам это видней»¹⁶. Далее Чинтулов был вынужден оговорить своих прежних сослуживцев. Он заявил, что был завербован бывшим начальником 4-го отдела штаба Украинского военного округа Б. В. Майстрахом, по заданию которого завербовал в 1928–1930 гг. ряд других военнослужащих. Указал, что контрреволюционную организацию на Украине возглавлял С. А. Пугачев. Участником организации назвал также генштабиста А. Н. Гатовского.

Рассуждая о причинах своей контрреволюционности, Чинтулов описывает свои страдания при большевиках: «Значительную роль играли личные обиды, наносимые мне неоднократно за все время службы Советской власти. Я перечислю: необоснованный, на мой взгляд, арест в 1919 г. на 20 дней, отсутствие наград за гражданскую войну, несмотря на напряженную и полезную работу, жестокое мое осуждение к расстрелу в 1921 г. по ничтожному проступку, невзирая на мое до следствия сознание, высылка в Туркестан, смещение в 1926 г., придирки по службе и невнимание к моей работе, весьма старательной, и необоснованный арест в 1927 г.»¹⁷.

За время ареста семья (жена Наталия Александровна и сын Георгий) имела с арестованным несколько свиданий. Сын Чинтулова присутствовал на одном из них 30 апреля 1931 г., когда его отец сообщил, что не считает себя виновным, а следователь выразил надежду на то, что «клубок, нити которого находятся у него, удастся благополучно распутать»¹⁸. 20 мая 1931 г. Чинтулов постановлением коллегии ОГПУ был приговорен к высшей мере наказания и 28 мая расстрелян¹⁹, но семья еще четверть века не знала об этом.

Летом того же года супруга Чинтулова безуспешно пыталась навести справки о судьбе мужа. В 1932 г. семья переехала в Москву. В 1935–1936 гг. Георгий Чинтулов был на приеме у заместителя нар-

кома юстиции, где получил туманный ответ: «Лес рубят, щепки летят». Не удалось ничего узнать и у представителя болгарской секции Коминтерна В. П. Коларова. Великая Отечественная война отложила выяснение еще на несколько лет. В сентябре 1945 г. Г. И. Чинтулов вновь встретился с Коларовым, который неопределенно заметил, что его отец пострадал зря.

Лишь в период «оттепели» семья узнала о судьбе мужа и отца. 20 февраля 1956 г. Г. И. Чинтулов обратился в Главную военную прокуратуру СССР с запросом о судьбе отца: «Прошло 25 с лишним лет, срок достаточный даже для отбытия тяжкого наказания, я и моя мать убедительно просим пересмотреть дело о Чинтулове Иване Дмитриевиче и в случае, если он жив, вернуть его в семью, а если он умер, то реабилитировать его посмертно»²⁰. Родственники указали сослуживцев отца, которые могли дать ему положительную характеристику. Среди них были его однокашники по академии, ставшие советскими генералами, А. В. Кирпичников и Е. В. Сысоев.

14 ноября 1956 г. Кирпичников сообщил: «Впервые познакомился с ним в военной академии бывшей царской армии, дислоцированной в г. Петрограде, ныне Ленинграде. В этой академии мы оба были слушателями в течение одного учебного года 1917–18 гг. В 1918 г. в академии в апреле месяце был объявлен набор желающих идти в Советскую Красную армию. В числе добровольцев 18 чел. был я и другие. Чинтулова Ивана Дмитриевича в этой группе не было.

Вторично я встретился с Чинтуловым в г. Одесса, куда прибыл для принятия должности начальника шта[ба] 6 стрелкового корпуса. В должность нач[альника] штаба 6 стр[елкового] корпуса вступил в сентябре 1924 г. До моего приезда в г. Одессу Чинтулов в штабе 6 стр[елкового] корпуса занимал должность начоперода²¹. Наша встреча в г. Одесса на этот раз продолжалась в течение 2–3 дней. По данным, которые я имел от товарищей из штаба Харьковского военного округа (бывшего), Чинтулов работал в одном из ВУЗов Харькова в качестве военного руководителя.

Не более кратковременной [была] моя встреча с Чинтуловым и в 1925 г. также в г. Одесса на даче у него на побережье Черного моря. После этого я о Чинтулове И. Д. никаких сведений не имел.

О политическом лице Чинтулова Ив. Дм. и участии его в какой-то антисоветской военно-офицерской организации мне ничего не известно»²².

Сослуживец Чинтулова, полковник в отставке А. П. Лукин отмечал: «О его деловой стороне мне известно от его ближайших

товарищей и непосредственных начальников, как то: Цейтлина, Кирпичникова и других, которые характеризовали его исключительно положительно за время службы в РККА, как добросовестного, преданного делу работника, имевшего большую сумму военных знаний (окончил академию Ген. штаба) и большой боевой опыт Первой мировой и Гражданской войн... С политической стороны Чинтулова я могу охарактеризовать также положительно. Будучи офицером русской армии и окончив академию Генштаба в 1917 г., он с первых дней организации РККА добровольно вступил в ее ряды, будучи сочувственно настроенным к Сов[етской] власти и пролетарской революции. Он всегда искренне радовался одержанным победам наших войск над белыми войсками, польскими интервентами и говорил, что победа Советского народа, безусловно, будет одержана. При личном общении с Чинтуловым я с его стороны никаких антисоветских или других нездоровых высказываний не слышал»²³.

В 1958 г. дело Чинтулова было прекращено за отсутствием состава преступления. Семье сообщили, что Чинтулов умер в местах заключения 25 июля 1936 г. от кровоизлияния в мозг²⁴. Вдова Чинтулова была вызвана в управление КГБ при Совете министров СССР по городу Москве, где ей сказали, что ее супруг был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и умер 12 июля 1941 г. от тромбоза мозговых сосудов²⁵. В харьковское городское бюро ЗАГС была направлена информация о смерти Чинтулова в 1936 г. Факт расстрела по-прежнему скрывался.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей.

1

Генерального штаба
полковник

Люсканов-Цанков

8-го ноября н[ового] с[тиля] 1920 г.

г. Белград

Генерал-квартирмейстеру штаба Главногокомандующего

Рапорт²⁶

Доношу Вашему Превосходительству, что радиграмма Ваша № 6640/0010387 доставлена мне 6-го ноября н.с. 1920 г. в г. Белграде.

Ныне я состою I секретарем болгарского посольства в Белграде, каковую службу я принял в первых числах июля месяца, о чем донес рапортами № 29 и 30 от 4 июля и 31 августа 1920 года, через военного представителя в Болгарии полковника Палицына²⁷.

Находясь в крайне тяжелом материальном положении – мой отец А. К. Людсканов из-за моего поступления в 1914 году добровольцем в русскую армию потерял свое состояние, а я потерял таковое в России у большевиков – с другой стороны необходимость лечить глаз, дабы по симпатии²⁸ не повредить и здоровый, заставила меня поступить на дипломатическую службу, любезно предоставленную мне болгарским министр[ом]-президентом.

С 24-го августа 1919 года, когда я отбыл из прикомандирования к управлению генерал-квартирмейстера штаба Гл[авногокомандующего] В[ооруженными] С[илами] Юга России и по собственному желанию отправился на фронт, где 7-го сентября был ранен, после этого во время моего лечения в лазарете в г. Таганроге и далее за время моего пребывания в отпуску для лечения последствий ранения лица и глаза в г. Софии, я не получал никакого содержания. С другой стороны после того, как генерал Деникин сложил полномочия, генерал Врангель положил в основу комплектования принцип добровольного поступления в Русскую армию. Все это вынудило меня принять предложение и поступить на службу по болгарскому министерству иностранных дел, тем более в болгарское посольство в Югославию (Сербию), где я смогу быть полезен не только Болгарии, но всему славянству, во главе, конечно, с Россией.

Нынешнее состояние моего здоровья, необходимость регулярного лечения глаза, дабы предохранить и другой, здоровый, глаз, требующее также известного покоя, а также необходимость расплатиться с долгами, сделанными в Софии за время моего лечения, не получая содержания, не дают мне возможности теперь же оставить нынешнюю мою службу и прибыть в срок из продолженного мне отпуска.

Содержание мое, о котором Ваше Превосходительство, упоминает в своей радиграмме, я еще не получил.

Генерального штаба

Полковник К. Людсканов-Цанков

Hoover Institution Archives. Stanford University. Vrangeli Papers.

Box 113. Folder 13. Подлинник. Автограф.

2

Автобиография И. Д. Чинтулова

Я родился в семье болгарского офицера в гор[оде] Варна, Болгария, в 1888 г. 12 августа.

Отец мой жил на те средства, которые давала ему военная служба, в общем, достаточно скудные, чтобы содержать семью, имевшую четырех детей и дать им хорошее образование. В поисках лучшего отцу моему удалось пристроить меня в Одесский кадетский корпус за счет славянского благотворительного общества, правление которого находилось в Петербурге.

12-ти лет от роду я вступил в первый класс (1900 г., осень) кадетского корпуса, где целиком был охвачен обстановкой закрытого дворянского учебного заведения, носившего на себе резкий отпечаток военной офицерской среды, так как почти все мои сверстники были детьми офицеров и весь педагогический персонал военизирован. Это обстоятельство приводило к привитию навыков и традиций новой для меня среды. Хотя я и родился в офицерской семье, все же болгарское офицерство того времени резко отличалось от русского, так как ему были чужды дворянские традиции, традиции вековой русской армии, оставившей все же кое-какие следы в своем детище, молодой болгарской армии. Мои переживания и влияния на меня чередовались зимой и летом в зависимости от прихода в корпус и отъезда на лето на родину. Мне постепенно стала ясна разница между государственным устройством конституционного государства (Болгарии) и самодержавным, каким была Россия. Эти перемежающиеся впечатления помешали мне сделаться убежденным монархистом.

Учился я в корпусе отлично по всем статьям и имел возможность, окончив корпус, в 1907 г. поступить в Михайловское артиллерийское училище. Это последнее почиталось одним из лучших военных училищ с очень серьезной учебной программой, дающей впоследствии возможность почти без всяких особых усилий пройти курс военной артиллерийской академии. В училище была еще довольно свежа память либеральных идей 70-80 гг. прошлого столетия, хотя либерализм этот проявлялся на деле в шалостях взрослых юношей и массовом нарушении дисциплины в строю, остававшихся в большинстве случаев безнаказанно. Монархический строй в училище не пользовался популярностью и «самодержцы» были известны наперечет. Часто были споры и разговоры в связи с газетными сведениями и личными связями юнкеров. В конце концов я стал на

путь признания конституционной монархии, как формы, приемлемой для того периода.

Я упомяну, что раза два попадал под влияние социалистической пропаганды при своих знакомствах с болгарскими студентами, однако оно не оставило тогда во мне сколько-нибудь серьезных следов. Мне казалось, что борьба за социализм – очень тяжелая форма жизни и проще идти общепринятой дорогой. В училище я оставался болгарско-подданным до окончания его, и только за неделю до производства в офицеры я решил остаться на службу в русской армии и принять русское подданство (в канцелярии петербургского градоначальника, июль 1910 г.).

Выйдя в офицеры, я поступил на службу в 7 артиллерийскую бригаду в гор. Тамбове. После жизни в Одессе и Петербурге в течение 10 лет Тамбов показался мне такой ужасной дырой, трущобой в первые дни моего пребывания, что, казалось, жизнь кончена. От впечатлений на второй день я даже заболел горячкой, исключительно на нервной почве (по диагнозу доктора). Все же, взяв себя в руки, начал службу и служил исправно, так, как меня учили. Понемногу я усвоился с жизнью в Тамбове, чему способствовал приезд моих родителей на зиму ко мне. Отец уже несколько лет был в отставке и жил на пенсии. Я втянулся в обыденную офицерскую жизнь со службой и всеми другими ее обычаями. Служба, офицерское собрание, кое-когда клубы, а чаще всего развлекались в семейных кружках игрой в карты, ухаживанием. Все же моя любовь к военному делу, привитая мне воспитанием, толкала меня на изучение военного дела, знанием которого вообще я отличался. Я хотел изучать военное дело не только в практике мирной обстановки, но и военной. Я намеревался уехать в длительный отпуск за границу, там, где были боевые действия, чтобы, поступив добровольцем, непосредственно ознакомиться с боевой практикой. В ту пору разрешался отпуск за границу на 2–11 месяцев. Однако ранее прослужения 2 лет такого отпуска не давали, нельзя было поступить и в Военную академию, куда я стремился ранее 1913 г. Я собрался было уезжать за границу, когда вспыхнули осложнения на Балканах, и я еще до объявления Болгарией мобилизации взял отпуск и уехал туда. Мой отец был уже на фронте и помог мне устроиться в действующей армии. Я попал командиром взвода в один из полков скорострельной артиллерии 3^{ей} армии Радко-Дмитриева, с которым я был знаком еще с детских лет. Я увлекался военным делом и провел 2 месяца увлекательной боевой работы от границы Болгарии до Чаталжи, действуя все вре-

мя с передовыми частями. Мои переживания изложены в Военном сборнике за 1913 г. под заглавием «Воспоминания добровольца». С наступлением перемирия в декабре 1912 г.²⁹ я вернулся в Тамбов с маленьким ореолом боевого крещения, став наравне со старыми войсками, отбывшими злосчастную японскую войну и не выдавшими ничего, кроме поражений. В марте 1913 г. пытался держать экзамен в Военную академию, но ввиду того, что события на Балканах меня привлекали больше, я мало готовился и экзамена не сдал. Летом 1913 г. собрался вновь на 2-ую балканскую войну, но был посажен под арест с целью воспрепятствовать моему отъезду.

Осенью 1913 г. я, наконец, вырвался из Тамбова, переведясь в Гатчину (ныне Троцк³⁰ 40 км от Петербурга), а в январе женился на Наталии Александровне Вернер, дочери аптекаря г. Тамбова.

1 марта 1914 г. держал экзамен в Военную академию и из многих сотен экзаменовавшихся выдержал 9 или 10, одним словом отлично. Служба моя в 23 арт. бригаде в Гатчине отличалась строгостями. В июле 1914 г. вспыхнула война, и я по плану мобилизации оказался в 68 артилл[ерийской] бригаде, с которой вышел на войну, получив вскоре командование батареей. Первые два года войны (до марта 1916 г. я был командиром батареи) я провел в действиях против германцев, неоднократно имел случаи проявить свои знания и энергию и получил все награды, доступные молодому поручику. Уже в декабре 1915 г. имел все ордена до ордена Св. Георгия 4 ст. и чин капитана и был представлен до чина полковника включительно. В марте 1916 г. перешел на службу в Генеральный штаб с назначением в штаб 4 Сиб[ирского] корпуса, в котором пробыл до января 1917 г., последовательно кочуя с ним на Западном, Юго-Западном и Румынском фронте.

Период первых восторгов и энтузиазма войск в 1915 году сменился под впечатлением поражений, отхода из Польши, нехватки снарядов тяжелым настроением. Связь с тылом помогала проникновению всяких слухов, муссировавшихся, главным образом, вокруг царской фамилии, Распутина, главного бесталанного командования, Государственной Думы и пр.

Уже в 1916 г. настроение в армии было упадочное, поговаривали о необходимости коренных изменений в государственном управлении и командовании. Пропагандистом этих идей у нас был начальник штаба Корольков Георгий Карпович, который втихомолку, в беседах наедине поговаривал о необходимости перемен вплоть до уничтожения монархии. Он был не один, эти мысли разделяли и другие

высшие офицеры и в конце концов они проникали в толщу чинов армии. Поэтому когда я в феврале 1917 г. очутился в Петербурге, в военной академии, куда я был вызван для продолжения военного образования, и оказался свидетелем февральской революции, мне не показалось трудным нарушить присягу. Я видел вокруг себя только единомышленников. Академия казалась целиком на стороне восставших. Во всяком случае никто не взялся за оружие, чтобы бороться за царизм. Последующие события в Питере до июня месяца протекали на моих глазах. Множество партий не давало возможности, за делом, приглядеться к ним пристальнее. Шумели больше всех кадеты и большевики. На мой взгляд, события не сулили умиротворения. Большевики грозили разложением и упразднением армии, но было ясно, что им без вооруженной силы не обойтись. В июне я уехал на Рум[ынский] фронт, где пробыл до нового вызова в Петроград³¹ на 2ой курс Военной академии в октябре 1917 г. После неудачных попыток поднять наступательный дух старой армии, она медленно с ускорением покатила по пути разложения. И когда я ее покидал в октябре, со мной уже катило в тыл, неудержимо, тысячи дезертиров и отпусников. Везде шли разговоры: долой войну, земля и воля, домой, долой аннексии и контрибуции и т.д.

Октябрьская революция меня застала в Петрограде³². Я был удивлен новой революции, ибо считал, что она уже была; поэтому полагал дело идет лишь о восстании с целью свержения Временного правительства. Я не владел никаким имуществом недвижимым, и опубликование декретов об отчуждении фабрик, заводов и земли мало меня трогал[о]. Правда, труднее было расстаться с личными привилегиями, чинами, орденами и пр. атрибутами царского времени³³ и с перспективами возможной блестящей карьеры. Поскольку новое правительство именовалось Советом народных комиссаров и правительством рабочих и крестьян, я, знакомый с болгарскими порядками, смирился скрепя сердце и в надежде, что мои военные знания и опыт найдут себе применение и в новых условиях. Идти на авантюру в ту пору я был не способен и не охоч – устал тоже от войны, хотел жить с семьей. Поскольку сведения поступали о благоприятном для нового правительства исходе борьбы за власть даже в самых отдаленных местностях, казалась всякая борьба ненужной.

Дней 10–15 после октября мы, обучающиеся [в] Военной академии, были приняты на учет в Народном комиссариате по военным и морским делам и нам предложено было ожидать распоряжений.

Так фактически я вступил на службу Советской власти.

В марте 1918 г. под давлением немцев остатки царской армии катились на север и восток, к Петрограду³⁴ и Москве. Правительство приступило к срочному спешному формированию добровольческих частей, т. наз. завесы. Я был назначен в штаб Северного участка и Петроградского района завесы в оперативный отдел вместе с другими слушателями академии. В июне 1918 г. я был зачислен в Генеральный штаб³⁵ и вскоре переведен в оперативный отдел наркомвоенмора в Москву (21 июня). Здесь мне было поручено в качестве военно-го консультанта создать военные контрразведывательные органы. Начальником, при котором я был консультантом, был Тракман, большевик, доктор, эстонец. О такого рода работе я имел лишь отдельные познания и не имел той уверенности в работе, какая нужна была в столь критические времена. Все же работа эта не заслужила порицания и обеспечила довольно стройную систему органов Военного контроля на фронтах и их работу инструкциями и указаниями. Велась работа и по организации подрывных партий и посылке их в тыл белых против Колчака, на Украину, на Дон. Служба требовала быть начеку постоянно. По этой службе мне приходилось сталкиваться с т. Араловым, Аппетером, Блаунсом, Берзиным, Эйдуком, Кедровым, Дзержинским, Караханом и др. Менее всего виделся с генштабистами, так как моя новая служба многим из них казалась зазорной.

В феврале 1919 г. я перешел на службу в Регистрационное управление Полевого штаба Республики в морскую разведку, где проработал до мая. 30 мая был отправлен на Западный фронт в штаб, где служил в опер[ативном] отделе, сначала в Старой Руссе, а затем в Смоленске. В августе я подвергся 20-дневному аресту по неизвестным причинам одновременно с рядом других лиц³⁶. В штабе З[ападного] фр[онта] я прослужил до мая 1920 года, принимая участие во всей оперативной работе командования фронтом. Моими начальниками были Перемытов А. М., Петин Н. Н., Гиттис В. М., а затем вместо Петина последовательно В. С. Лазаревич и Н. Н. Шварц.

В мае 1920 г. меня перевели в опер[ативный] отдел Полевого штаба Красной армии в Москву. Характер работы исключительно штабной, однако большого напряжения. Кроме того, некоторое время был представителем главкома в Совете Военной академии РККА, проводя в нем указания главкома в соответствии с задачами фронта. Сотрудничал по указанию же главкома в «Известиях ВЦИК», где давал военные обзоры фронтов и военных событий (псевдоним И. Д. и Бай Тани). Последнего рода работа мне была знакома с 1919 г., когда я по совместительству работал в качестве пом[ощника] нач[альника]

военного отдела Российск[ого] телег[рафного] агентства (РОСТА). В течение [19]19 и [19]20 г. работа моя протекала в обстановке окружения генштабистами и быв[шими] офицерами; личная жизнь дома. Жизнь в Москве становилась все труднее в продовольственном отношении. Ничтожный военный паек, малый оклад не обеспечивали пропитания, носили, что можно, на рынок. В конце концов все по-немногу иссякло и перспектив никаких. Тут назрела необходимость предпринять что-либо. Эта обстановка толкнула меня на незаконное получение спирта, который я собирался продать. Стоимость всей сделки 250 р. ([в] золотом исчислении). Однако через несколько дней я в своих действиях сознался своему начальству, и спирт был возвращен, не будучи продан. Тем не менее, через месяц меня арестовали, судили Воен[ной] коллегией Верховного Трибунала. Приговор – расстрел. Через 70 дней он был изменен 5-ти летними принудительными работами³⁷. С 16 сент[ября] 1921 г. я был на службе в управлении трудовых армий, занимал должность начальника одного из его управлений. Затем за его упразднением переведен инспектором Наркомтруда. С января 1922 г. наказание мое было лишь условным, и я имел возможность в апреле поехать в отпуск в г. Одессу, где рассчитывал повидать своих родных, застигнутых войной 1914 г. в Одессе. К сожалению, отца не застал, он уехал регулировать свои пенсионные дела в Болгарию, где ему была объявлена амнистия. В Одессе, в обстановке жизни впроголодь я заболел тифом (сыпным) и выехать обратно в Москву не мог. В Москве за это время успели меня обокрасть до нитки и выселить из квартиры. Я долго, несколько месяцев, испытывал последствия тифа и только в ноябре, проводив мать в Болгарию, поступил вновь на военную службу, устроиться на иной службе мне не удалось, хотя и хотелось.

Я вновь начал с командира батареи одесского района береговых батарей, где меня, как знающего и опытного артиллериста, приняли хорошо (начальник т. Запорожец А.Ф., ныне в Харькове, партиец). Вскоре я был уже его помощником, а в марте 1923 года начальником опер[ативной] части штаба VI стр[елкового] корпуса (нач[альник] штаба Бартельс И. И., комкор Восканов Г. К.). Служба складывалась благополучно, я умел работать. Жить было туго, помогали 1-2 столовника, да продажа вещей, оставшихся от отца в небольшом количестве. В октябре 1923 г. назначен пом[ощником] нач[альника] штаба VI с[трелкового] к[орпуса], в котором пробыл до октября 1924 г. В ту пору я был в переписке с отцом, братом и младшей сестрой, жившими в Болгарии и встречался с болгарскими Телаловым и дру-

гими, наезжавшими изредка из Болгарии. Эти связи очевидно дали повод Ос[обому] отделу VI стр[елкового] корпуса почесть необходимым удалить меня из Одессы. В то время происходили крупные переброски высш[его] состава и меня назначили наштадивом³⁸ I Туркестанской дивизии. Туркестан, хотя и интересовал меня, все же казался мне замаскированной ссылкой. Товарищи, с которыми я там работал, комдив³⁹, военкомдив⁴⁰ и начподив⁴¹ меня приняли хорошо, я сносно себя чувствовал на службе. Жизнь дивизии только налаживалась, также как и учеба. Все (?) еще испытывали недостаток в довольствии, фураже, обмундировании. В частях партизанский дух не был изжит полностью. Трудности усугублялись большими переменами в личном составе начальствующего состава. Весной 1925 г. меня назначили наштадивом 7 стр[елковой] дивизии. Я выехал из Туркестана, но не успел прибыть в Чернигов, как получил обратное назначение в I Турк[естанскую] дивизию. Я двинул в Москву к нач[альнику] ГУРККА⁴² и добился нового назначения нач[альником] общего отдела инспектората УВО,⁴³ которое меня в общем удовлетворяло (но лучше мне хотелось в Москву). В декабре ко мне придрались с ведением секретных дел. Дела были не мои, а те, что велись моим предшественником. Удалось при содействии т. Затонского⁴⁴, тогда члена РВС, доказать свою непричастность. Я служил исправно, так считало начальство, но в ноябре 1926 г. меня устранили сначала в резерв РККА, а затем военруком.

В этой новой должности мне пришлось уломать себя, чтобы приохотить к военно-педагогической работе, не бывшей мне по сердцу. Все же, по отзывам начальства дело у меня шло лучше, чем удовлетворительно. Институт, в котором я был военрук, на большинстве стрелковых соревнований занимал первое место, в лагерях студенты отличались своей подготовкой. Меня привлекали к подготовке командного состава старшего и высшего. Я непрерывно работал над усовершенствованием своей военной подготовки, и считаю себя знающим удовлетворительно военное дело разносторонне. Я не чуждался литературной деятельности. И кроме упомянутой уже работы я написал несколько книжонок «В разведке», «В охране», «Наступление роты». Собирался и начал составление учебника тактики для высшей вневойсковой подготовки.

Хочу надеяться, что на этом моя военная работа не закончится.

И. Д. Чинтулов⁴⁵

Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 3–10. Подлинник. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Список офицеров Болгарской службы, окончивших курс Николаевской академии Генерального штаба (ныне Императорской Николаевской военной академии) // Известия Императорской Николаевской военной академии (Санкт-Петербург). 1913. № 37. Январь. С. 134–145. Также см.: *Танчев И.* Българи в чуждестранни военнo-учебни заведения (1878–1912). София, 2008.
- 2 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2100. Оп. 1. Д. 360. Л. 120.
- 3 Там же. Л. 121об.–122.
- 4 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 9об.
- 5 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 177. Л. 13.
- 6 Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 104.
- 7 Там же. Д. 1003. Л. 97.
- 8 Там же. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 133. Л. 27.
- 9 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.
- 10 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 95.
- 11 Войска завесы были созданы для прикрытия территории Советской России от германских войск.
- 12 Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 1.
- 13 Там же. Л. 11.
- 14 Там же. Л. 12об.
- 15 Там же. Л. 18.
- 16 Там же.
- 17 Там же. Л. 25.
- 18 Там же. Л. 291.
- 19 Там же. Л. 299об.
- 20 Там же. Л. 291об.–292.
- 21 Начальника оперативного отдела.
- 22 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 346–346об.
- 23 Там же. Л. 348.
- 24 Там же. Л. 367об.
- 25 Там же. Л. 370.
- 26 На полях резолюция: Общее. В дело.
- 27 Палицын Виктор Александрович (11.04.1879–?) – Генштаба полковник, военный представитель ВСЮР и Русской армии в Болгарии.

- 28 В данном случае в медицинском значении – изменение в чем-либо, возникающее под влиянием изменений в симметрично расположенном органе.
- 29 В документе ошибочно – 1913 г.
- 30 В 1923–1929 гг. Гатчина носила наименование Троцк в честь Л. Д. Троцкого.
- 31 В документе ошибочно – Ленинград.
- 32 В документе ошибочно – Ленинграде.
- 33 Судя по сохранившейся фотографии, Чинтулов продолжал носить орден Св. Георгия 4-й ст. на френче и в советское время, что вряд ли могло поощряться начальством.
- 34 В документе ошибочно – Петербургу.
- 35 Речь идет о приказе Всероссийскому главному штабу № 18 от 27 июня 1918 г. о переводе слушателей старшего класса 2-й очереди Николаевской военной академии в Генеральный штаб. Публикацию документа см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534. Чинтулов ошибочно датирует перевод более ранним временем в сравнении со своим переходом в оперативный отдел наркомата по военным делам.
- 36 Речь идет об арестах в связи с «делом» Полевого штаба РВСР.
- 37 Чинтулов неточен. Удалось обнаружить его рапорт от 9 июля 1921 г. начальнику Штаба РККА П. П. Лебедеву: «Приговором Р[еволюционного] В[оенного] Трибунала Республики от 28/IV с.г. я приговорен был к расстрелу. На заседании 18 июня Президиум ВЦИК нашел возможным расстрел заменить 5-ю годами общественных принудительных работ. В постановлении Президиума ВЦИК не указано о лишении меня гражданских прав и права служить по специальности в Красной армии или вообще в советских учреждениях, отбывая там наказание. Посему считаю себя в праве просить Вас о затребовании меня на службу по специальности. Если же паче чаяния будет признано, что служба моя в Красной армии невозможна, прошу о том меня уведомить» (РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 50–50об.). Вместе с рапортом было отправлено и личное письмо Лебедеву: «Многоуважаемый Павел Павлович! Со страшно тяжелым душевным гнетом, с чувством избытого до полусмерти человека, но ни на минуту не потерявшего сознание, я рискую обратиться к Вам, быть может для того, чтобы еще больше согнуться под бременем новой неудачи. Тем не менее жажда вырваться из тюремной грязи так сильна, что иначе поступить не могу. В моем

- рапорте изложена просьба о назначении на любую должность. Если бы Вы нашли возможным удовлетворить ее, меня необходимо затребовать через Народный комиссариат юстиции. Как именно сделать вызов, Вам видно много лучше, чем я мог бы это изложить, но одним из обстоятельств, могущих очень ускорить дело, является именно требование, предъявленное именно учреждением прежней моей службы. Это, конечно, вовсе не значит, что я должен служить в штабе РККА, а как генштабист могу быть затребован в резерв Генштаба для любого назначения по Вашему усмотрению. До меня дошли сведения о том, что главнокомандующий против моего затребования штабом. Это сильно меня обескураживает, если только слухи – правда. В заключение позвольте выразить Вам и главному сердечную признательность в помощи, оказанной для спасения моей жизни. Не откажите в любезности о принятом Вами решении уведомить мою жену для передачи мне. Уважающий Вас И. Д. Чинтулов» (Там же. Л. 51–51об.).
- 38 Начальником штаба дивизии.
- 39 Командир дивизии.
- 40 Военный комиссар дивизии.
- 41 Начальник политотдела дивизии.
- 42 ГУРККА – Главное управление РККА.
- 43 УВО – Украинский военный округ.
- 44 Затонский Владимир Петрович (27.07.1888–29.07.1938) – советский государственный и партийный деятель. В рассматриваемый период – член РВС Украинского военного округа.
- 45 Дата написания документа вымарана – 5 апреля 1931 г.

Ganin A. V.

Bulgarians – Graduates from the Nicholas Military Academy
in the Civic War in Russia

There is a publication of documents from archives of Russia, the Ukraine and the U.S.A. on Bulgarian members of the General Staff who entered their military service in Russia and were involved into the events of the Civic War 1917–1922.

Key words: *Russia, Bulgaria, Civic War, General Staff, military elite, repressions.*